

Я вас разочарую — мне нравится Чубайс

— Здравствуйте, Людмила Марковна. Это же ужас, сколько по телевидению идет фильмов американских! Везде убийства, кровь. А с десяти часов вечера секс в открытую! Мы что, в Америке живем?

— В Америке как раз такого нет. Это наши так зарабатывают деньги. Вы очень большую тему затронули. Когда-то у Марины Влади был роман с Володей Высоцким. Он еще был просто талантливым мальчик с гитарой — и вот в него влюбляется красивейшая женщина Франции, звезда. Я ее спросила: почему? Ведь столько в Париже красивых мужчин! Да нет, отвечает, в Париже уже нет мужчин! На каждом шагу голые женщины — и у них притупляются все чувства. Вот вам и ответ.

— Так неужели за деньги можно все продать — и добро, и традиции?

— Знаете, я тоже не хочу такой демократии! Я хочу демократии с жестким законом: вор — сидит, насильник — отвечает. Но если уж Дарья Асламова рвется в Думу, нам до демократии еще далеко.

— Добрый день, меня зовут Елена Ивановна. Как вы относитесь к тому, что днем по кабельным каналам идут эротические фильмы? А на улицах интим-салони, продается порнография. Мы наших детей просто калечим.

— Когда я впервые приехала в Нью-Йорк, то была поражена: среди роскоши на тротуаре лежит бомж — но какой?! Таких пока у нас на улицах нет. У него в волосах шевелились какие-то черви! И мне объяснили: а ему нравится так жить. Знаете, я бы не хотела, чтоб нам тоже понравилось так жить.

— А у нас такие же проблемы! В жилом доме открыли ночной мужской стриптиз! По ночам сплошной визг. Я пошла в управу: у нас же дети не спят! Мне так и сказали: все куплено. Туда приезжают такие тети, что нипочем не дадут закрыть. Не да-дут!

— Ну, надежда только на новое правительство. Может, прочтут эту нашу с вами беседу.

— Добрый день, Людмила Марковна! Я Нина Ивановна, ваша старая поклонница. И хочу спросить: кого вы поддерживали?

— На выборах? Никого. Я не голосовала.

— Зря, Людмила Марковна. А кого могли бы поддержать?

— Пожалуй, или «Единство», или правых.

— Как я в вас разочарована!

— Ну что же делать! КПРФ я бы не поддержала, коммунисты меня уничтожали.

— Неправда. Вы у нас были звездой. И все время звенели...

— Когда? Я после «Карнальной ночи» и до «Старых стен» не звенела. Пятнадцать лет не снималась!

— Это зависит от вашей там режиссуры и...

— Какая режиссура? Миленькая! Вы очень мало об этом знаете. Так что, я считаю, Путин очень достойный человек.

— А я даже по лицу вижу — иезуит.

— Ну вот. А меня при виде Зюганова в дрожь бросает. Я вас, наверное, вообще разочарую: мне нравится Чубайс.

— Ой, ой! Все-таки вы не нашего склада. Будьте здоровы.

— Вас беспокоят из Зеленограда. Людмила Марковна, у вас есть друзья?

— Настоящие друзья — те, которые знали меня в детстве. Когда мы были все равны, мечтали, получали двойки... Одна моя подруга теперь в Чикаго. Долго не решалась уехать, но они с дочкой здесь получали 80 рублей — как можно жить на это? Теперь к ней ездю и она ко мне приезжает. Это такой друг, когда достаточно набрать номер: мне плохо — она бросит все и поможет.

— А кто вам шил новогоднее платье?

— Его мне любезно предложил Валя Юдашкин. Очень талантливый человек.

— Люсьенка!

— Неужели это тот самый Скороходов Леб Анатольевич? Автор замечательной книги о Раневской! Я прочла не отрываясь.

— Люсьенка, спасибо. А я тут открыл «Известия», думаю, может, позвонить только с одной целью — сказать, как я люблю вас, ваше творчество и ваши книги.

— Не говорите «творчество», давайте говорить: работу. А то — спела полторы песни и сразу: «Нам, актерам, так трудно жить!»

— Мы все иронизируем, а если всерьез...

— Не иронизируем — стесняемся. Потому что сказать, что любишь родину, уже неудобно. А задницу показать со сцены удобно.

— Людмила Марковна? Меня зовут Андрей Юльевич. Кому вы больше доверяли, себе или другим?

— Я почти не снималась у одного и того же режиссера. Работала со многими, разными, и надо было иметь что-то свое, чтобы тебя не согнули. Взять все лучшее, соединить со своим сердцем и привнести на экран нечто третье. Самое трудное было сломать первое представление о себе. После «Карнальной ночи» меня никто не вос-

МИХАИЛ КЛИМЕНТЬЕВ

принимал в драматических ролях — только пой, товарищ Гурченко!

— Скажите, а стоит ли в жизни быть артистом?

— Знаете, это такой вопрос, который не стоит задавать. Артист — он всегда артист. Он таким родился. Актера в торговлю — а он артист, его в инженеры — а он артист, его в медицину — а он артист. И артист в нем вылезет всегда. Всегда это лицедейство будет сидеть в нем, оно будет мучить его и он все равно пойдет в артисты.

— Приятно было услышать ваш голос.

— Взаимно. Дерзайте. Артист, значит?

— Большое спасибо, до свидания.

— Людмила Марковна, я считаю вас эталоном женщины и артистки. Понимаете, вы для нас генератор.

— Это сильно. Постараюсь и дальше генерировать.

— Вы тот человек, который нам не дает киснуть, сохнуть.

— Я буду как можно дольше не давать вам киснуть.

— Людмила Марковна, я временно остался без работы, может, хотя бы в кино водителем устройте?

— Но сейчас же кино никакого нет. И водителей много, а кино нет.

— Людмила Марковна, у меня есть подозрение, что вы способны к дружбе.

— Знаете, я из тех скорпионов, кто предан до самого конца.

— Вы очень сильная личность — как это у вас получается?

— Трудно. На ложь и предательство стараюсь не обращать внимания, потому что это мешает работе. Когда-то зывала к спра-

ведливости, потом поняла — бессмысленно.

— Но как все это стереть из памяти?

— Мы с Никулиным снимались в фильме «Двадцать лет без войны». Мне было очень плохо, я побежала к нему: папа, ну как жить? Он слушал меня, слушал, вбирал мою боль, а потом сказал: «Время, время, только время». И я подумала: он все понимает, значит, и я все перетерплю. Время прошло. Теперь взираю на ту боль с усмешкой.

— Как вы обратились к Никулину, так я обращаюсь к вам.

— Да я понимаю. И тоже скажу: время.

Вопросы к редакции

— Добрый день, Валерий Семенович. Меня зовут Евгений Александрович Леоненко, я жур-

налист. Скажите, почему все с такой издевкой говорят про попечительские советы на ТВ? Даже в США половина фильмов не идет на открытых каналах. А у нас все самое черное — на экране.

— Я думаю, это испуг перед призраком цензуры. Была цензура, сейчас качнулись в противоположную крайность и нет даже нормального контроля. Но он появится, это неизбежно. Или контроль разума — или, не дай бог, снова цензура.

— Добрый день. Я звоню из Смоленска. У меня вопрос: вы последний раз когда слышали музыку на народных инструментах?

— Очень давно.

— А ведь в народной музыке очень много перемен, много молодежи, играют замечательно. А отражения это нигде не находит. В печати, на телевидении существует только поп-музыка, рок-музыка, а о нормальной вообще ничего не слышно. Вот что меня волнует.

— Меня тоже это волнует: исчезли целые жанры, виды музыки — народная в том числе. Судя по голосу, вы молодой?

— Не очень. Мне сорок.

— Понимаете, принято считать, что народную музыку любит только совсем уходящее поколение.

— Я же говорю: все как раз наоборот!

— Здравствуйте. Разрешите я вам прочту письмо, которое я вам написал и не смог отправить. Стыдно сказать: марки дорогие. Послушаете? «Уважаемый Валерий Кичин! С огромным удовольствием прочел статью «Приказано верить». Вы правы, правы и правы. Но не останется ли она гласом вопиющего в пустыне? Надо восстановить издание антирелигиозной литературы, журнала «Наука и религия». И еще одно замечание. Мне кажется, ваши сотрудники забывают о разнице между газетой и учеными записками. Помните Хемингуэя? У него изумительный слог. А знаете, где он этому учился? В газете! Вот так. Мельников Александр Борисович, учитель».

— Я Каждан Григорий Маркович. У меня пожелание, чтобы в рубрике «Религия» более полно отражалось общественное мнение. Подборка от 15 января сделана тенденциозно: статья профессора Зубова неубедительна, но остальные прямо или косвенно с ним согласны.

— Я хочу через вашу газету поздравить Бориса Николаевича Ельцина с днем его рождения. Я думаю, что народ все-таки ему благодарен. Валерий КИЧИН